ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Т.И.Снегирева*

СОХРАНИМ ПАМЯТНИКИ СОХРАНИМ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ

Историко-культурное наследие каждого из регионов России столь богато и столь слабо введено в общественное сознание, что нельзя не согласиться с замечанием академика А.Панченко о том, что лишь исчерпание этого обстоятельства через самопознание может подготовить почву для преодоления причин нашего глубочайшего кризиса.

Преодоление беспамятства и девальвации духовных ценностей напрямую зависит от готовности общества платить высокую цену по счетам искаженного и утаенного историко-культурного наследия. Лишь привлечение этого единственного источника и средства духовного обновления России позволяет строить без каких-либо заимствований собственный ряд приоритетов, объединяя общество вокруг эволюционных и революционных потрясений. Об этом достаточно ясно могут судить не одни философы, но каждый, кто задумывается о роли и месте исторической памяти в общественной жизни России. “Когда я нашел в Костромских архивах материалы о своем роде Клеченовых, — пишет читатель “Северной правды”, — я почувствовал себя сильным, укорененным, способным противостоять потрясе-ниям. Род — это то, что делает нас вечными, помогая каждую частицу бытия ощутить в единстве с вечностью... В контексте вечности наши беды мельчают, а опыт преодоления, накопления предками, помогает противостоять нынешнему настроению”[1].

Об этом же красноречиво свидетельствуют заголовки малотиражных газет, украшенных привычными историческими силуэтами городов, многие из которых гораздо старше столиц (Торопец, Тверь, Галич, Кашин, Белозерск, Судиславль...). “Все мы, судиславцы, живем здесь несуетно и терпеливо, связанные единой судьбой, единой историей и общим стремлением видеть наш городок красивым и уютным”[2], — такое миросозерцание адресовано XXI в.

Преодоление безродности, как начало преодоления беспамятства обществом и возвращение ему исторической памяти во всей ее полноте, решает самую актуальную задачу наступившей эпохи свобод — восстановление утраченной системы нравственных ориентиров независимо от того, касается ли это человеческих судеб, поведенческого облика элит, внешнеполитической аргументации государственных ведомств, спонтанного характера социально-экономических реформ. Историческая память оказывается исключительно активной силой, вызывая в общественном сознании подчас весьма различное, а порой и прямо противоположное отношение к одному и тому же явлению.

В Рыбинске после десяти долгих подготовительных лет был открыт уникальный музей “Молога и мологский край”. В городе продолжается 20-летняя традиция ежегодных встреч бывших мологжан, передающих новым поколениям живую память об “утонувшем” городе. Ради этого одного дня еще в 1993 г. съезжались мологжане из Ленинграда, Свердловска, Алма-Аты, Казани... Теперь это для большинства почти невозможно, но память о том, что их “поселили не в свои избы”, осталась.

В Рыбинске до сих пор продолжаются поисковые работы и на “дне” моря, когда его уровень понижается на 1,5-2 метра, и среди наследников “утонувшего” города. Пополняются фонды музея, издается сборник “Молога”.

В то же время рядом, в Калязине, знаменитом сейчас своей высоченной колокольней “на воде”, оставшейся от Николаевского собора XVIII в., в экспозиции историко-краеведческого музея нет ни одной

* Снегирева Татьяна Игоревна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИМЭПИ РАН.

строки и даже намека на рассказ о драме полузатопленного города и последствиях “волгостроевского разорения” для его 30-тысячного населения.

Представлен лишь уцелевший фрагмент огромной фрески “Страшного суда”. Поразительная галерея ликов, несомненно наделенных индивидуальными чертами, происходит из взорванного Троицкого монастыря XVII в. — былой славы и гордости не одного Калязина, но всей России — одного из двух храмов первого класса.

В Калязине, в отличие от Рыбинска, никто не позаботился даже сбором воспоминаний о драме затопления, масштабы которого могли и не быть столь губительными для местного климатического оазиса (с уникальными минеральными источниками, целебными песчаными пляжами евпаторийского типа) и сохранения (хотя бы частичного) исторических памятников, перечисленных в списках, поданных в адрес Волгостроя.

Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют о том, что все культовые здания, являвшиеся государственной собствен-ностью, были безвозмездно переданы Волгострою НКВД и подлежали разборке. При этом “новый владелец” продавал кирпич после разборки зданий... тому же Калязину для строительных нужд.

Собрал и опубликовал эти сведения историк, действительный член Русского Географического общества Н.А.Суворов. Коренной житель Калязина, ветеран Великой Отечественной войны, закончил свое исследование словами: “Наверно, ни один город средней полосы России не подвергся разорению и надругательству в XX в., как Калязин. Мы знаем судьбу Корчевы, которая целиком оказалась на дне Иваньковского водохранилища в 30-е годы в связи со строительством Иваньковской плотины и канала Волга-Москва; также знаем о судьбе города Молога, который также оказался на дне Рыбинского водохранилища. Калязин как город остался, хотя 2/3 его территории за-топлены водами Угличского водохранилища. ... Город был обречен на умирание, и он действительно умирал в 40-50-е годы. Только в конце 60-х — начале 70-х годов на Калязин было обращено (!) некоторое внимание, Калязин медленно стал выбираться из своего тяжелого положения”[4].

Вряд ли могут возникнуть сомнения в необходимости признания высокой цены исторической памяти, которая смогла удержать от полного забвения эпизоды нашей недавней эпохи, весьма актуальной и для XXI в. России.

Представляется, что, когда Россия войдет в полосу благополучия, защитникам исторической памяти будут отданы особые почести. Пока же подвижники на этой благородной ниве открывают все новые ее страницы. Так произошло осенью 1999 г. на юбилейной конференции в Кириллове, посвященной 75-летию музея-заповедника, объединившей широкомасштабные и локальные исследования вокруг темы “Культура Белозерья X-XX вв.”.

Региональный характер материалов конференции не смог умалить, а скорее даже усилил вывод о том, насколько серьезные потери понесла историческая память в результате следования ущербной отечественной методологии, вычеркнувшей из контекста историко-культурного развития России все аспекты многовекового наследия церкви. Ее интенсивная духовная жизнь, активная позиция в устройстве гражданского общества, богатейшая духовная литература, сохранившая драматические и героические страницы истории России, широко известные, прославленные памятники зодчества, высочайшие образцы древнерусской иконописи — все это старательно замалчивалось. К тому же время и времена́ “работали” на разрушение этого наследия.

Традиции сохранения, изучения, экспонирования художественных, архивных богатств Кириллова (часть которых составляет украшение многих музеев России) будут продолжены, по словам директора музея-заповедника Г.О.Ивановой, и в третьем тысячелетии. Тем более, что основу центральной коллекции иконописи составляют памятники из крупнейших и богатейших монастырей Белозерья и городов средневековой Руси, многие из которых признаны шедеврами русского искусства. Девять аналитических докладов оправдывали тенденцию возрастания устойчивого интереса к этой тематике.

Хотелось бы специально отметить появление в этих рамках уникальной, нигде не встречавшейся экспозиции “Клирового портрета”, с вопросами атрибуции которого выступила Л.Н.Никонорова. К безусловным раритетам (уцелевшим) Севера России относилось сообщение “Валунные надгробия XVII-XVIII вв. некрополя Кирилло-Белозерского монастыря” (И.В.Папин).

Наряду с историко-художественными темами культуры Бело-зерья в программе конференции были представлены доклады, посвященные сравнительному изучению монастырских архивов (М.С.Черкасова, М.Ю.Хрусталев), а также воссозданию “коллектив-ного портрета” братии Кирилло-Белозерского монастыря XVIII в. (А.Е.Видинеева) и характеру его учебных заведений (И.А.Смирнов).

Конференцию, посвященную культуре Белозерья, можно считать знаковым явлением пробуждения интереса общества к сфере исторической памяти и историко-культурного наследия, который переживался в России не раз. О реакции общества после выставки 1905 г., организованной С.Дягилевым, говорилось выше. Подобный всплеск удивления и восхищения пережило общество после открытий древнерусского искусства в 10-х годах XX в. И нынешний, уходящий век в России вновь окрашен

общественной потребностью возвратить из небытия весь арсенал историко-культурного наследия отечества.

Постепенное преодоление “белых пятен” в историческом сознании — это лишь начало процесса возвращения и пробуждения той системы духовных и нравственных ценностей, которая давно сложилась: ее не надо искать или заимствовать. Она заключена в арсенале историко-культурного наследия. И потому каждое обращение к нему составляет очередной шаг России к самой себе, основанный на реальном ощущении феномена встроенности одного времени в другом. К числу таких обращений может быть отнесена исчезающая явь трехшатровых храмов России XVII в.

Речь идет о шатровых храмах, возводившихся вплоть до середины XVII в. “на законных основаниях”, после чего в ходе реформ патриарха Никона они были запрещены как несоответствующие “церковному чину”. К тому времени они украсили своими силуэтами не только старые русские земли, но и “проникли” далеко на север, вплоть до Белого моря, в ходе монастырской колонизации северных земель. Не удивительно, что на плане Москвы 1660 г., составленном Мейербергом, преобладают профили шатровых храмов[5].

XXI в. Россия может “предъявить” три типа каменного шатрового строительства: восьмигранные церкви-башни, установленные, как правило, на двусветном четверике; два шатра, поставленные в ряд; храмы с трехшатровым завершением. Храмов первого типа уцелело более всего. Помимо хрестоматийно известных храмов в Коломенском, Старице, Острове, Коломне, можно напомнить о церквах этого типа, сохранившихся на р. Сие под Архангельском; в Городне; в Спасском на р. Угре; в с. Деулино (под Сергиевым Посадом); в с. Красное на Волге; в Киржаче; в с. Прусы, часть из которых датируется XVI в. При упоминании двухшатровых храмов обычно вспоминают Суздаль, Ферапонтово.

Что касается трехшатровых храмов, то их осталось в России всего четыре: в Москве, Ярославле, Угличе, Вязьме. И все они разные: и по характеру декора наружных стен, и по количеству приделов, и по “буйству” кокошников у основания шатров, и по расположению самих шатров, их разновеликости или полной идентичности. Современники всегда испытывали чувство восхищения перед этими творениями, назвав, например, Успенскую церковь в Угличе (1628 г.) “Дивной”. Наиболее доступны для посещения московский и ярославский храмы, позволяющие непосредственно ощутить объединяющую силу красоты, столь контрастирующую со строениями современных мегаполисов.

К счастью, уровень этой эстетики таков, что ни мегаполисам XX в., ни мегаполисам XXI в. никогда не слиться с символикой храмов XVII в. Они уже перешли в контекст вечности, продолжая одаривать все новые поколения своей эстетической магией и усиливать арсенал исторической памяти.

Когда общественное сознание неожиданно “вводит” в уже сложившуюся повседневность третьего тысячелетия элементы, казалось бы, отдаленного прошлого, становится понятным не только феномен встроенности одного времени в другом, но и автономность развития духовной культуры в системе социальных отношений.

На всех этапах формирования полимасштабного культурного ландшафта России просматривается влияние и подчиненность явлению красоты. Начиная с выбора места будущего поселения: оно должно было нести людям благодать, как было зафиксировано в одном из источников XI в., вплоть до выбора сакрального пространства и сооружения духовно-религиозных центров в местах выхода “энергетических столбов”. С этим последним фактом считаются как с опытно подтвержденной данностью, лишенной черт мифологичности.

Об этом же весьма красноречиво свидетельствует выбор таких точек жизненного обустройства, как погосты. Можно привести тому множество примеров. В том числе сослаться на древний поморский погост в Кандалакше, озаренный сказочной красотой шхер Кандалакшской бухты. Он расположен на традиционном траверсе в Белом море многих поколений рыбаков и охотников с берегов горной реки Нива, сохранившей к тому же загадочные лабиринты двухтысячелетней давности.

Красота, как стихийный путь утверждения Добра, олицетворяет активную силу воцарения положительных эмоций в жизни общества и устроении жизни отдельной личности, поддержания творческих потребностей и устремлений, всегда выходящих за рамки повседневности. И.Забелин специально писал об этой ориентированности в русском строительстве, как о его “первичном понятии”, существующем с языческих времен.

Отрицание притяжения духовной культуры России к явлению прекрасного приводит к умалению и недооценке ее сущностных черт, в том числе и тогда, когда затрагивается проблема цены исторической памяти. Красота предстает как одна из важнейших объединяющих форм воплощения общей гармонии, как неизбывная цель развития общественного сознания России. В его структуре эта категория занимает свое особое место еще и потому, что на нее стихийно ориентированы многие мировоззренческие установки, вне зависимости от государственно-политических перемен[6].

Пожалуй, особенно красноречиво об этом свидетельствует встреча с Одигитриевской церковью (1635 г.) Ивановского монастыря в Вязьме. Сравнительно недавно завершенные (все еще не окончательно) реставрационные работы воссоздали ее первоначальный облик: восстановлен и

монастырский комплекс (основанный в 1536 г.), а тем самым храм возвращен из исторического забвения. Обнажилась реальность энергетики прекрасного и победительная сила красоты, исходящая от храма, против чего открыто возражал в свое время Никон, связывая шатровое строительство с пережитками язычества, его эмоциональной необузданностью и прочной укорененностью, основанной на восхождении сознания от эмоциональных ступеней к рациональным.

Каждый согласится, что подле Одигитриевского храма нельзя не испытывать чувства восхищения его красотой, как бы изначально предназначенной для того, чтобы стать единственно возможным памятником событиям полувековой давности, цены которым никто и никогда назвать не сможет.

Осенью 1941 г. судьба Москвы решалась на западном направлении, когда "все пути на Москву для врага были открыты", — констатировал Г.К.Жуков (материалы опубликованы лишь в 1999 г.).

Существует легенда, что после того, как Сталин, уповая на защиту величайшей святыни России — иконы Владимирской Божьей Матери, написанной, по преданию, евангелистом Лукой на доске от стола, за которым трапезничал Христос, приказал обнести ее вокруг стен Кремля, последовал перелом в битве за столицу. Историческая память хранит и легенды, и документальную быль.

Против четырех наших армий и дивизий народного ополчения немцы сосредоточили 1700 танков, 14 тысяч орудий, 1400 самолетов. В Вяземский котел попали армейские формирования и дивизии народного ополчения, совершившие переход за 300 км от Москвы.

Неодетыми, необутыми, необученными добровольцами ушли тысячи московских студентов, преподавателей МГУ, Консерватории, юридического факультета, писательская рота, рабочие "Трехгорки", ученые, конструкторы. Они были окружены танками и накрыты "ковровыми" налетами. Они не вернулись, задержав немцев на западных рубежах, что помогло выиграть время для подготовки обороны Москвы.

Когда уходит из жизни один художник, один музыкант, один инженер, всем тяжело и плохо. Когда уходит в небытие элита целого поколения — это историческая катастрофа. Любые сравнения в данном случае вряд ли уместны.

Вот уже более полувека лишь стены трехшатрового храма XVII в. в Вязьме хранят надежды на непотопляемость исторической памяти во имя павших и живых, основанной на устойчивости и неотменяемости традиций духовного наследия России. Один из живых свидетелей начала войны, событий под Вязьмой тяжелых военных лет, сказал автору этих строк, увидев силуэт Одигитревского храма в фотоэкспозиции ИМЭПИ РАН: "А я помню эту церковь, когда мы проходили через сожженную Вязьму, где остались одни печные трубы".

Для России цена исторической памяти всегда состояла в утверждении приоритета духовных ценностей, заключенных в ее историко-культурном ландшафте, образованном тем, что уже безвозвратно утрачено, и тем, что еще можно удержать в контексте ее богатейшего национального наследия, предоставляя возможность поколениям постигать и сравнивать.

К числу полностью утраченных реликвий трехшатрового строительства относятся храмы Иоанна Предтечи в Казани (1649 г.), (разобранный в досоветские времена) и Христорождественский храм на Чухломском озере (вторая половина XVII в.), возведенный на месте деревянного при основании Авраамиева монастыря в XIV в. Магический облик и уникальность храма на Чухломском озере были высоко оценены и зафиксированы ученым и писателем С.В.Максимовым в середине XIX в. При посещении Авраамиева монастыря, расположенного среди глухих лесов и болот, он описал "двухэтажную, с частичными переделками монастырскую церковь замечательной архитектуры, ...представляющую длинный прямо-угольник, увенчанный тремя восьмигранными шпилями"[7], с ризницей и библиотекой. О ней писали историки и искусствоведы прошлого века Д.Ф.Прилуцкий, М.Я.Лиев, Б.И.Дунаев, А.А.Титов.

Авраамиево-Городецкий монастырь в 90-х годах возродился. От прежних времен сохранилась лишь еловая аллея над озером, полуразрушенный изящный пятиглавый Покровский собор начала XVII в. и постройки XIX в. Христорождественский храм разобрали до основания. На память о нем остались описания и литографии XIX в. и вечная красота озера, столь важная для "пейзажного изучения древнего зодчества" (Ив.Забелин).

Трехшатровые храмы превратились почти в живые мифы нашей истории. Однако после проведения некоторых "розыскных" работ и проверки круга материалов иногда оказывается возможным оживить некоторые полумифы. Так произошло после знакомства с остатками разрушенной, а точнее сознательно уничтоженной трехшатровой церкви, посвященной Живоначальной Троице в бывшей Александровой пустыни, приговоренной к стихийному саморазрушению еще шесть-семь лет назад. К таким выводам пришел ее кропотливый ярославский исследователь Евг.Розов, назвавший этот храм "едва ли не самым ценным из того, что сохранила рыбинская земля"[8].

Об обреченности разрушенного "храма" сообщали и местные краеведы, добравшиеся с большим трудом по бездорожью до церковных руин и сделавшие фото "в упор": вертикальная стена с проломами,

без всяких шатров. Таким образом, подготовка к встрече с прославленным храмом XVII в. не сулила никакого оптимизма.

Но все же она состоялась весной 1999 г., благодаря спонсорской поддержке ветерана войны, коренной москвички — Е.С.Маховой.

Оказалось, что от взорванного и почти разобранного храма (с двухстолпной трапезной, колокольней, низкой папертью на четырех столпах) уцелела высокая продолговатая кирпичная коробка, замыкающая внутреннее бесстолпное пространство, перекрытое сводом, увенчанным тремя, тесно поставленными глухими шатрами. Даже утратив свои главки с крестами и обратив к редким паломникам три арочных пролома среди великолепия старых аллей, храм поражает красотой пропорциональности своего уцелевшего объема, вытянутого с севера на юг, четкостью оконных проемов, лишенных всякой декоративности — как верный признак строгого XVII в. Остатки ювелирной кирпичной кладки над арочными проемами, кованных деталей, скреплявших своды, оконных решеток — все свидетельствует о чрезвычайно высоком искусстве строителей, вызывая удивление, восхищение и более высокие чувства, вопреки представшей печальной "объективности". По-видимому, именно этим обстоятельством объясняется отсутствие на стенах охранной доски.

Забвение и разрушение не смогли обесценить память о некогда богатой обители, основанной в XV в. и расположенной рядом с торговым селом, где собиралась ежегодная общероссийская июньская ярмарка. Александрова пустынь была известна еще и как культурный центр округи (с семилетней школой, больницей, почтой), сохранявшийся до середины 20-х годов, когда здесь существовал кружок краеведов, возглавляемый историком Н.П.Дружининым. Бывший сотрудник "Нивы" и ярославского "Голоса", автор многих публикаций по краеведению в столичных журналах, в том числе статей по истории Ярославского Большого Села, бывшей столицы Юхотского княжества, которое отпраздновало в 1999 г. свой 400-летний юбилей, стал учителем Александровской семилетней школы. Его богатый архив хранится в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

Трехшатровый храм продолжает существовать в реальном измерении, если способен порождать эмоции, подобные тем, которые посещают людей внутри храмового пространства, ощущающих энергетику, исходящую от намоленных стен. Хотя Александрова пустынь мало доступна для обозрения, она вполне может стать пятым по счету уцелевшим трехшатровым храмом России, дополняя и обогащая историческую память. Тем более, что представляется возможность проследить на двух (выявленных) примерах модификацию трехшатрового строительства как известное идейное противостояние запретам патриарха Никона.

Над Галичским озером около Галича в XIV в. был основан Паисиев Успенский монастырь, за стенами которого еще в начале XX в., судя по старым фотографиям, сохранялся Троицкий храм XVII в. Он был украшен необычным трехглавием, выстроенным в ряд и напоминающим по своей композиции трехшатровое завершение. Однако к нашему времени остались лишь полуразрушенные стены, растесанные окна и весьма неопределенные надежды на восстановление. Такое, по крайне мере, сложилось впечатление после нашего посещения в 1999 г. Паисиева Галичского монастыря, где возродился женский монастырь и завершается восстановления пятиглавия Успенского собора, его внутреннего убранства (XVI в.).

В лучшей сохранности находится трехшатровое завершение входа в церкви Воскресения на Дебре (середина XVII в.) в Костроме. Однако ему практически не уделяется внимания в контексте соотнесения с особенностями трехшатрового строительства, что происходит скорее всего из-за обилия его уникальных "достоинств" внутри храма.

Было бы полезно продолжить поиски подобных примеров, связанных с модификациями трехшатрового строительства еще и потому, что в России инерция разрушения все еще продолжает уносить исторические памятники, независимо от того, признаются они шедеврами или нет. Они исчезают, стирая те элементы исторической подлинности, которые разрушители пока еще не в состоянии оценить, обедняя настоящий и будущий арсенал нашего наследия.

Бытование подобных негативных тенденций подкрепляется иногда достаточно поверхностным объяснением появления в России шатрового стиля. Оно связано с именем итальянца Петрока Малого, спроектировавшего (?) свою первую русскую шатровую церковь как воспоминание о европейской готике[9].

По-видимому, не стоит следовать сложившейся методо-логической практике и делать выводы на основе одной "удачно" выбранной цитаты: как правило, полученные аргументы обладают большой приблизительностью. Достаточно мысленно вписать любой из сохранившихся трехшатровых храмов в российский природный ландшафт, чтобы увидеть органику происхождения силуэта шатра. Его треугольник воспроизводит образ остроконечной ели, всегда заметной в лесной чаще, утвержденной язычеством как символ солнцеворота, вечной устремленности вверх и неизменности вечнозеленого убора. От такого наследия уклониться невозможно. Так что "снам" о европейской готике здесь явно не остается места.

Разговор о “готике” в русском зодчестве имеет давнюю традицию, начиная с Карамзина, когда, по наблюдению Ив.Забелина, этим термином пользовались для обозначения “художественной старины, которая не была в стиле Возрождения и рококо”. Сам же Забелин категорически отрицал мотивы сходства, а тем более переноса черт готики в Россию, ссылаясь при этом на непрерывность строительных традиций, идущих от языческих храмов, к наследию так называемого “полатного письма”, заключенному в древних рукописях и старинных иконах, где нередко выстраивались, казалось бы, фантастические образы.

Однако “... основы всех фантазий находились все-таки в образцах и формах зданий, некогда существовавших. ...Вот причина, почему в нашем хотя бы и фантастическом полатном письме мы не найдем форм прямо и непосредственно готических и вообще ничего такого, что не согласовывалось с русскими представлениями о форме здания и формах его украшения”[10].

И в заключение о некоторых очевидных оценках. Цена исторической памяти в условиях современного переходного состояния России чрезвычайно высока. Во-первых, заключенная в историческом сознании система ценностей, составляя объединяющую вертикаль общественного сознания, определяет понимание процессов реформирования России. Унаследованная система ценностей лежит в основе еще ненаписанных программ, образуя ту базисную прочность историко-культурного наследия, которую всегда выделял В.О.Ключевский, когда сравнивал переход России от одной эпохи к другой. Факт неизбывности историко-культурного наследия, так же как ДНК, позволяет положительно ответить на один из самых сложных историософских вопросов о предопределенности общественного развития.

Притягательность исторической памяти весьма далека от чисто академических интересов. Можно сослаться на опыт активного приобщения к историко-культурному наследию молодежного православного лагеря Костромской области.

Учащиеся 3-9 классов, работавшие в течение года по программе “Святая Русь”, получили летом 1999 г. после трехнедельной смены пребывания в г. Галиче дипломы историко-православного лагеря “Истоки”. За время смены школьники помогали в Паисьев-Горицком монастыре, работали на восстановлении храма в с. Богородье, собирали лекарственные травы для благотворительной приходской столовой, постигали историю каря, его уникальные архитектурные памятники. Прослушали лекции об обороне древнерусских городов, встречались с представителями “Лермонтовского наследия”, которые направлялись летом 1999 г. в свою родовую усадьбу в Чухломском районе на предъюбилейную встречу, были гостями Авраамиево-Городецкого монастыря, где знакомились с его многовековой историей и традициями. Тем более, что их сила заключена не в эталонах определенного времени, а в развитии таких ценностей духовного наследия, как просвещение и глубокое понимание культурных и исторических задач общества.

Группа юных художников из костромской школы имени Шлеина летом 1999 г. провела две недели в лагере около Макариево-Сунженского монастыря, работая на пленере и помогая в восстановительных работах храма.

Во-вторых, историческая память важна как верный указатель места России в общецивилизационном прогрессе. Нередко мы используем признания западных исследователей для получения “пробы” отечественных достижений. Сложившийся к XXI в. облик России позволяет спокойно и уверенно покинуть эту традицию. Историческая память хранит такой арсенал социокультурного наследия, который, по большому счету, не востребован обществом, и потому, вопреки законности утверждения чувства самодостаточности, порождает иллюзии о полезности заимствований. Кажется, появляются надежды на то, что этот рубеж пройден. Обращение России к самой себе — безусловный залог ее возрожденческих тенденций.

Примечания

1. “Северная правда”, 1999, 21 июля.
2. “Сельская жизнь” (Судиславль), 1999, 13 июля.
3. См. об этом: Снегирева Т.И. БНИ ИМЭПИ РАН 1998, № 11; “Историческая газета”, 1999, № 1, январь.
4. Суворов Н.А. Реконструкция Калязина. Калязин, 1898, с.65, 103.
5. Точное фиксирование и перечисление шатровых храмов (деревянных и каменных) содержится в описаниях многочисленных городов XVII в., составлявшихся по запросам Разрядного приказа в писцовых книгах, о чем, в частности, свидетельствуют интересные документы по Белозерску, относящиеся к 1670-м годам (Белозерье. 2. Краеведческий альманах. Вологда, 1998, с.18-27); Кириллову (см. Памятники Отечества. Северная Фиваида. № 3-4, 19993, с.98).
6. Нельзя не сослаться на суждение крупнейшего современного футуролога и писателя Р.Шекли, высказанное им во время пребывания в 1999 г. в России, о генерализующем значении категории красоты применительно к будущему всего человеческого сообщества.
7. “Русь”, литературно-исторический журнал, 1995, № 2, с.159.

8. Там же, с.144.
9. “Русская усадьба”, Москва — Рыбинск, 1994, с.144.
10. Забелин Ив. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., изд. 1. Кнебель, 1900, с.21.